

«РАЗГОВОР ПО ДУШАМ» В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОЙ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Вадим Дементьев

Саратовский государственный университет,
Саратов, Россия

*HEART-TO-HEART TALK IN THE SYSTEM OF VALUES OF RUSSIAN SPEECH COMMUNICATION***

Vadim Dementyev

Saratov State University,
Saratov, Russia

This article considers *heart-to-heart talk* (Rus. *разговор по душам*), a genre of harmonious communication belonging to the informal sphere of immediate oral spontaneous communication mostly aimed at establishing or strengthening interpersonal intimacy, moral support, and the exchange of important personal information. The author provides linguo-communicative (speech genre), linguocultural, linguo-cognitive (value), and linguo-statistical (corpus) analysis of the genre, which is regarded as a genre of communication and speech with no equivalents in other cultures, a scenario and value of Russian speech communication and Russian culture as a whole. Analysis of the genre reveals its significant complexity and inconsistency, including value inconsistency: *heart-to-heart talk* can be “simple” – and beyond someone’s capacity to understand; with an “simple” interlocutor – and a highly educated specialist; with “one’s own” – and with a stranger; it can be short – and long; relaxed, “light” – and tense, “hard”; it can be pleasant, “partial”, and include elements of flattery – and harsh criticism; it can lead to reconciliation – and to a quarrel; it can be calm – and include elements of a dispute (*razgovor po dusham* between men) or hysterics (between women); usually a *heart-to-heart talk* cannot take place “on demand”. *Razgovor po dusham*

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по проекту 34.8128.2017/8.9.

** Citation: Dementyev, V. (2019). *Heart-to-heart Talk in the System of Values of Russian Speech Communication*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 1. P. 255–274. DOI 10.15826/qr.2019.1.375.

Цитирование: Dementyev V. *Heart-to-heart Talk in the System of Values of Russian Speech Communication* // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 1. P. 255–274. DOI 10.15826/qr.2019.1.375 / Дементьев В. «Разговор по душам» в системе ценностей русской речевой коммуникации // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 255–274. DOI 10.15826/qr.2019.1.375.

is regarded positively when conducted (successfully) by psychologists with mentally ill or unstable people. In the majority of cases, the evaluative characteristics of the *razgovor po dusham* reflected in the examples are positive and highly positive; at the same time, there are negative characteristics. The article takes into account studies of cultural concepts in the Russian national and linguistic worldview (“душа” *soul*, “правда” *truth*, “дружба” *friendship*, “искренность” *sincerity*, “тоска” *longing*, etc.) and complements the picture with a number of important concepts, associated with the communicative-pragmatic and genre-role nature of the phenomenon, and with the peculiarities of paradigmatics and syntagmatics in the contexts of modern Russian speech.

Keywords: *разговор по душам*; heart-to-heart talk; Russian communication; speech genre; communicative value; *Integrum* text corpus.

Статья посвящена речевому жанру «разговор по душам» – жанру гармоничного общения, принадлежащему неофициальной сфере непосредственной устной спонтанной коммуникации, основная коммуникативная цель которого состоит в установлении или укреплении межличностной близости, моральной поддержке, обмене важной личностной информацией. Дается лингвокоммуникативный (речежанровый), лингвкультурологический, лингвокогнитивный (ценностный) и лингвостатистический (корпусный) анализ жанра, понимаемого соответственно как безэквивалентный коммуникативный/речевой жанр, сценарий и ценность русской речевой коммуникации и русской культуры в целом. Обнаруживаются его значительная сложность и противоречивость, в том числе ценностная: разговор по душам может быть «простой» ~ и кому-то не по силам; с «простым» собеседником ~ и высокообразованным специалистом; со «своими», избранными ~ и с незнакомцем; может быть коротким ~ и длинным; расслабленным (релаксирующим), «легким» ~ и напряженным, «тяжелым»; может быть приятным, «лицеприятным», включать элементы лести ~ и жесткую критику; может привести к примирению ~ и к ссоре; может быть спокойным ~ и включать элементы спора (мужской разговор) или истерики (женский); обычно разговор не может состояться «по заказу» ~ и положительно оценивается разговор по душам, проводимый (успешно) специалистами-психологами с психически больными или неуравновешенными людьми. Абсолютное большинство оценочных характеристик разговора по душам, фиксируемых в примерах, положительные и ярко-положительные; в то же время встречаются и отрицательные. Материал, будучи соотношенным с исследованиями культурных концептов русской национально-языковой картины мира (*душа*, *правда*, *дружба*, *искренность*, *тоска* и т. п.), дополняет ее рядом представлений, связанных с коммуникативно-прагматической и жанрово-ролевой природой данного явления, с особенностями парадигматики и синтагматики в контекстах из современной русской речи.

Ключевые слова: разговор по душам; русская коммуникация; речевой жанр; коммуникативная ценность; *Integrum*.

Речевой жанр *разговор по душам* (РпД) (другие названия – *дружеский разговор*, *дружеская беседа*, «*экзистенциальный разговор “о самом главном”*» (А. Д. Шмелев) имеет исключительное значение для русского коммуникативного пространства, а также для системы основных ценностей русской культуры. Определяем РпД как жанр гармоничного общения, принадлежащего неофициальной сфере непосредственной устной спонтанной коммуникации, основная коммуникативная цель которого состоит в установлении или укреплении межличностной близости, моральной поддержке, обмене важной личностной информацией. Высокая степень изученности базовых ценностей русской культуры [Базовые ценности россиян; Гладкова; Карасик; Лебедева; Лингвистика и аксиология; Тарасов; Бульгина, Шмелев], подробное описание ряда фатических (праздноречевых) и смежных речевых жанров [Байкулова; Дьякова, Стернин; Ланских; Панченко; Седов] заставляют пристальнее всмотреться в феномен РпД, признавая его яркое отображение в русской литературе XIX и XX в.

Речежанровый метод основывается на базовых положениях речеведения (коллоквиалистики, конверсационного анализа, дискурса-анализа), которые опираются на понятие речевого жанра в качестве одного из наиболее эффективных объясняющих механизмов при изучении порождения и интерпретации речи, и предполагает анализ материала по следующим важнейшим параметрам: ситуация и сфера общения, стиль, интенциональный фактор, форма речи, в том числе способы оформления ее начала и конца, форма передачи инициативы в диалоге, а также стратегии и тактики ведения коммуникации.

Лингвокультурологический и тесно связанный с ним лингвокогнитивный (ценностный) методы основываются на базовых положениях когнитивной генристики – направления, которое исходит из того, что структуры высшего порядка, упорядочивающие вместе с жанрами речи другие коммуникативные единицы, суть коммуникативные концепты, имеющие четкое композиционно-тематическостилистическое содержание, при этом зафиксированные в языке имена данных концептов являются или непосредственно именами речевых жанров, или их компонентов (стратегий, тактик и т. д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры. Их упорядочивание осуществляется по стандартной схеме «действие/ акт ~ процесс/манера ~ роль/тип ~ тональность ~ жанр».

Анализ материала производится по следующим параметрам: оценочная, безэквивалентная лексика, именующая жанры речи и их компоненты, и оценочные шкалы, лежащие в основе оценок разных типов; метафоры и метафорические модели, лежащие в основе формирования переносных значений слов; тексты, в том числе художественные, имеющие ценностное содержание; общая внешнекультурная и внутрикультурная парадигма (включая языковую политику,

моменты глобализации или, наоборот, изоляции); основные коммуникативные сферы, где роль речевых жанров для данного периода является особенно критической или где происходят значимые трансформации речевых жанров – сферы устной и письменной речи, публицистики/СМИ (Интернета) и т. д.

Лингвостатистический (корпусный) метод основывается на базовых положениях корпусной генристики, предполагающей изучение речевых жанров на основе корпусных баз данных и в целом при помощи методов корпусной лингвистики. Жанроведческие задачи решаются количественно и с использованием технических возможностей корпусно-поисковых систем. На первый план выходит проблема «ключевых слов» и «ключевых фраз», или текстовых маркеров РЖ, по которым можно осуществлять поиск в корпусах. В нашем исследовании в этой роли выступает выражение *по душам*.

Интенциональный анализ РпД как фатического речевого жанра

РпД является *фатическим жанром* в том смысле, что в нем личности говорящих и их отношения важнее, чем предмет речи. Однако возникают сложности с определением его места в типологии фатических речевых жанров (далее – ФРЖ), отношений с другими фатическими жанрами. Типология ФРЖ строится нами на основе двух критериев: это качество межличностных отношений (на рисунке – горизонтальная шкала А. Р. Балаяна от диссонанса до унисона) и степень косвенности (вертикальная шкала от нулевой косвенности к максимальной) (рис. 1). Выделяются отчетливо противопоставляемые пять основных типов ФРЖ:

1. Праздноречевые жанры, или *small talk*: межличностные отношения не улучшаются и не ухудшаются, а сохраняются, степень косвенности – приблизительно $\frac{1}{2}$ (точка О).

2. ФРЖ, ухудшающие межличностные отношения в прямой форме: прямые обвинения, оскорбления, выяснения отношений, ссоры (отрезок ОА).

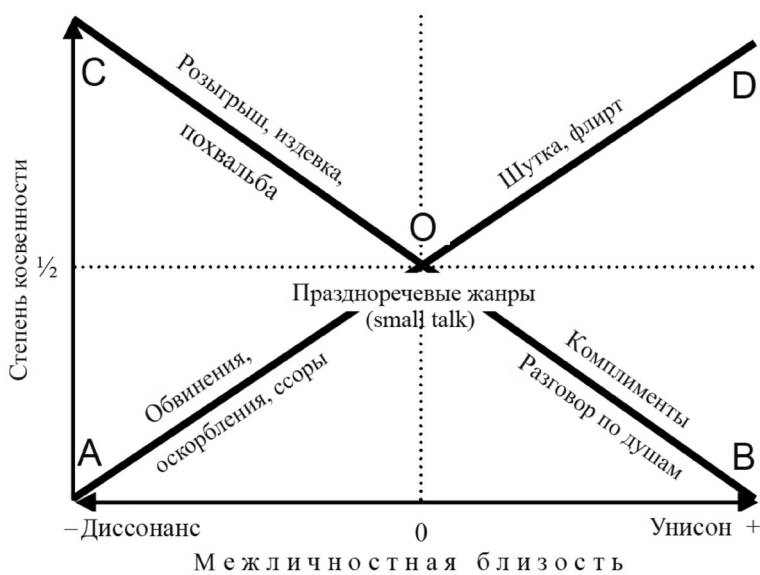
3. ФРЖ, улучшающие межличностные отношения в прямой форме: доброжелательные признания, комплименты, исповеди/проповеди и т. п. (отрезок ОВ).

4. ФРЖ, ухудшающие отношения в скрытой, косвенной форме – например, чтобы ответственность лежала на партнере (отрезок ОС). Сюда относятся некоторые разновидности иронии, издевка, розыгрыш, похвальба.

5. ФРЖ, улучшающие отношения в косвенной форме: шутка, флирт (отрезок ОD) (подробнее см.: [Дементьев, 1999; Дементьев, 2010, с. 209–235]).

На первый взгляд, место РпД в типологии ФРЖ может быть определено как «точка О»: жанры без изменения межличностных отно-

шений, с умеренной косвенностью. В то же время русский РпД настолько отличается от других ФРЖ, находящихся в точке О (*разговор на общие темы / болтовня, светский разговор, "small talk"*), что определение «праздноречевой» по отношению к нему (в некоторых работах, например, [Арутюнова], это синоним термина «фатический») оказывается совершенно неверным. Часто глубокое, сущностно важное для участников РпД содержание также принципиально противостоит общим представлениям о фатическом общении, идущим от Б.Малиновского [Malinowski]. Русский РпД именно не праздный разговор, а «разговор о главном» – о жизненных позициях и ценностях¹.

Можно сказать, что разговор по душам – это разговор о душе:

– Ведь русские мальчики как до сих пор орудуют?.. Вот, например, здешний вонючий трактир, вот они и сходятся, засели в угол. Всю жизнь прежде не знали друг друга, а выйдут из трактира, сорок лет опять не будут знать друг друга, ну и что ж, о чем они будут рассуждать, пока поймают минутку в трактире-то? О мировых вопросах, не иначе: есть ли Бог, есть ли бессмертие? (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы).

¹ Ср. рассуждения Н. А. Бердяева о русской ментальности и общении: «Всякий истинно русский человек интересуется вопросом о смысле жизни и ищет общения с другими в искании смысла... умудряется даже самым практическим общественным интересам придавать философский характер» [Бердяев, с. 176].

Сказанное нельзя, конечно, понимать таким образом, будто настоящий РпД означает непременно глубокий порождаемый смысл – важнее, чтобы самими собеседниками разговор понимался как «разговор о самом главном». В этом отношении нет принципиальной разницы между обменом сложнейшими, тончайшими смыслами (как в общении персонажей Достоевского) и суррогатами жанра типа *Ты меня уважаешь?* Спектр тем в РпД может быть значителен – от самых мелких вещей до самых высоких идей, жизненных позиций, но сами собеседники безошибочно отличают главное от мелочей. Все это заставляет нас поместить РпД в типологии ФРЖ скорее на отрезке ОВ: межличностные отношения улучшаются, степень косвенности более низкая, чем в праздноречевых жанрах, хотя ненулевая.

Лингвокультурологический и лингвокогнитивный анализ РпД

Ценностный аспект РЖ близок к понятию *коммуникативного сценария*, который, по А. Вежбицкой, и организуется ценностями соответствующей культуры [Вежбицкая, 2002].

Коммуникативная ценность – это обусловленная важнейшими принципами национальной культуры коммуникативная категория, которая регулярно и закономерно проявляется в языковой и речевой системе (в системах языковой оценки, аспектах лексической номинации, нормах конкретных речевых жанров и др.), в тексте (оценочной текстовой деятельности) и в общих когнитивных отношениях человека с миром (в аспектах оценочной культурно-языковой картины мира) (подробнее см.: [Дементьев, 2013]).

Коммуникативная ценность существуют в любой национальной культуре, но, полагаем, именно в русской культуре их значение, по сравнению с другими культурными ценностями, особенно велико. Русская культура в высокой степени коммуникативна. Обращает на себя внимание очень большая ценность коммуникации в целом, *общения* – больше, чем во многих других культурах, высокая коммуникативность очень многих (если не всех) ключевых концептов русской культуры [Зализняк, Левонтина, Шмелев, с. 246, 280–281].

С ценностной точки зрения жанр РпД представляет собой коммуникативную проекцию трех ключевых ценностно-ориентированных (телеологических, по С. Г. Воркачеву) концептов русской культуры – концептов *дружба, правда, душа* – и во многом определяет русский коммуникативный идеал – основополагающие правила коммуникации на данном языке в рамках данной культуры, которые разделяются всеми говорящими на данном языке (см.: [Стернин]).

Все три концепта широко рассмотрены в философии, психологии, культурологии и лингвокультурологии с опорой на концептологию

ческую методику анализа или без нее [Антология концептов; Вежбицкая, 1999; Воркачев; Ильин; Степанов; Хизова; Чалдини, Кенрик, Нейберг; Шмелев]. Эти концепты иногда рассматривались и с точки зрения их речежанровой составляющей (она реализуется в разных сферах речи, в своих фатической и информативной составляющих), а именно РпД. Доказывает это полная или частичная эквивалентность или взаимозаменяемость в наименованиях данного коммуникативного феномена всех трех ключевых лексем: *разговор по душам* = *по душам*; ≈ *сказать по правде*; *разговор по душам* ≈ *дружеской беседе*; ≈ *сказать по дружбе, по-дружески* и т. д.

Коммуникативная составляющая русского концепта *дружба* очень существенна [Урысон, с. 297–299]. Представление о том, как должны общаться *друзья*, в русской речевой культуре уникально и в целом может быть сведено к утверждению, что *друзья* должны общаться *по душам* (одновременно речежанровая и нравственная составляющие представления об общении) и *по правде* (информационно-логическая и нравственная составляющие).

Исследования концепта *душа* показали, что он относится к ярко выраженным ценностно-ориентированным концептам и к концептам, имеющим значительную коммуникативную составляющую, то есть к коммуникативным. При этом в литературе детально рассмотрен только первый аспект (вместе с вопросом о его глубоком национальном своеобразии) [Апресян; Степанов, с. 738; Маслова; Шмелев, с. 303, 306].

Коммуникативная составляющая *правды* и – в меньшей степени – *души* рассматривается А. Вежбицкой. Рассуждения о русских неуниверсальных коммуникативных ценностях, в частности *правде* и *душе*, приводят ее к утверждению *разговора по душам* в качестве русского коммуникативного идеала (хотя исследовательница и не пользуется данными терминами): именно концепт «открытия души» представляет кульминацию общения в русской культуре. А. Вежбицкая показывает, что русская *правда*, так сказать, более коммуникативна, чем, например, английская *truth*: ее нужно искать и нужно обсуждать, поскольку она формируется в обсуждении, «открытии душ» [Вежбицкая, 2002, с. 25].

В русской литературе XIX и XX в. находим много контекстов с выражением *по душам*, а также прилагательными *душевный*, *задушевный*, характеризующими разговор. Собственно выражение *по душам* в этом значении является достаточно новым: оно впервые фиксируется только в конце XIX в., например в произведениях А. П. Чехова (в конце XIX в. еще живо было старое дореформенное значение *по душам* (вероятно, *по ду́шам*)).

В то же время прилагательные *душевный* и *задушевный* применительно к разговору (по сути, в том же значении, что более позднее *по душам*) встречаются значительно раньше: например, выражение *открыть душу* использовано Пушкиным в письме Онегина Татьяне. Таким образом, есть все основания утверждать, что к началу форми-

рования русского литературного языка существовал и был достаточно распространенным явлением и обсуждаемый тип коммуникации *разговор по душам / (за)душевный разговор*, и обсуждаемый коммуникативный аспект концепта *душа*: *Чего хочу? с какой целью / Открою душу вам свою?* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин); *От разговора вдвоем, горячего, задушевного, мы обе бежали* (Ф. М. Достоевский. Неточка Незванова); *Каждый день слышу про вас и все собираюсь к вам потолковать, как говорится, по душам* (А. П. Чехов. Моя жизнь).

Таким образом, исследование коммуникативной составляющей концептов русской культуры *дружба, правда, душа* сближается с установлением речежанровых доминант РпД.

Данный жанр в значительной степени национально специфичен (неуниверсален, «непереводим»)². В русской культуре концепт «открытия души» представляет кульминацию общения. В других национально-речевых культурах такое представление может отсутствовать. Ряд особенностей РпД может быть выявлен через сопоставление: РпД обнаруживает общие черты с некоторыми ФЖ, присущими другим культурам, но ни с одним не совпадает полностью. Так, в отличие от представления о «хорошей» гармонизирующей речи в некоторых других национально-речевых культурах (романо-германских, японской), в русском РпД не просто мало ценится искусность речи – излишняя правильность, риторическая выстроенность и изощренность здесь даже вредны. В этом отношении можно усмотреть у РпД черты польского речевого жанра *kawał*, представляющего собой «тип «конспиративной шутки»». Жанр *kawał* ценят не за искусность или утонченность, а за чувство корпоративного единения. Подразумевается здесь следующее: «я могу рассказать это тебе, но есть люди, которым я не могу это рассказать» [Вежбицкая, Годдард, с. 150]. Действительно, мы видим некоторое сходство польского и русского жанров в их пренебрежении такими качествами, как искусность и утонченность. Однако, в отличие от польского *kawał*, в РпД не обязательно есть место для юмора.

В исследованиях, посвященных концепту *истина*, иногда отмечается, что истина для людей непостижима и что «в каком-то смысле истину знает только Бог» (ср.: [Булыгина, Шмелев, с. 481]). Это качество сближает русское представление о хорошей речи с японским, где о главном нельзя сказать, о нем можно только молчать. В момент сильного эмоционального переживания, будь то смерть родителей, или успех сына на вступительном экзамене, или просто прекрасное зрелище, самое правильное – ничего не говорить [Saville-Troike, p. 167]. Однако если в японской речевой культуре о главном лучше молчать, то в русской речевой культуре о главном говорят, но говорят трудно и негладко (ср. речь Пьера Безухова в «Войне и мире»

² Личный опыт общения автора с довольно большим количеством русских женщин, вышедших замуж за иностранцев (счастливо), показывает, что одной из главных вещей, которых им недостает в новой жизни, является именно РпД!

и Константина Левина в «Анне Карениной» Л. Н. Толстого, князя Мышкина в «Идиоте» Ф. М. Достоевского).

Следует добавить, что человек не может сам планировать и сознательно осуществлять этот процесс: «открытие души» есть чудо и, как любое чудо, возможно только при наличии «санкции свыше». Если все повороты в общении находятся под контролем собеседников, имеет место не РпД, а что-то иное (возможно, *светская беседа*). При этом сама по себе негладкая речь, естественно, не означает ни кооперативности, ни искренности. Естественно, этому «чуду» в корне противоречит любая предопределенность, как в примере из «Анны Карениной» Толстого заданный заранее набор тем: *Теперь они были наедине, и Анна не знала, о чем говорить. Она сидела у окна, глядя на Долли и перебирая в памяти все те казавшиеся неистощимыми запасы душевных разговоров, и не находила ничего. Ей казалось в эту минуту, что все уже было сказано.*

В русской культуре самое большое разочарование, самая большая неудовлетворенность от общения возникают у человека, когда не происходит ожидаемого «открытия души». Это явление исключительно ярко отображено в классической русской литературе.

Показательно существование в русском языке оценочных лексем, которые обозначают качества человека, делающие его не способным участвовать в РпД, и самого такого человека – прежде всего лексемы *обыватель*, как известно, непереводимой адекватно на другие языки: *Обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его. Опыт научил его мало-помалу, что пока с обывателем играешь в карты или закусываешь с ним, то это мирный, благодушный и даже неглупый человек, но стоит только заговорить с ним о чем-нибудь несъедобном, например, о политике или науке, как он становится в тупик или заводит такую философию, тупую и злую, что остается только рукой махнуть и отойти* (А. П. Чехов. Ионыч).

Не может участвовать в РпД также человек *закрытый* или *застигнутый на все пуговицы* (сами эти метафоры противопоставлены идее *открытия души*). Однако в русской культуре сознательная *закрытость*, по-видимому, не воспринимается однозначно негативно, а кроме того, как настоящая и окончательная (вспомним пушкинского Онегина, Андрея Болконского и еще более поразительную метаморфозу, произошедшую с Карениным у Л. Н. Толстого). По-настоящему не способен *открыть душу* все же только *обыватель* – это название коммуникативного неумения основано на *н р а в с т в е н н о й* оценке.

Возвращаясь к РпД как русскому коммуникативному идеалу, отметим, что интенциональная структура, тематика и стилистика РпД охватывает, как это в целом характерно для коммуникативного идеала, все виды, формы и жанры фатической и нефатической коммуникации. Общаться *по душам* так же понятно, естественно и исполнено глубокого смысла для русского человека, как говорить *правду*, жить

по правде и по совести, гулять на воле – и тосковать, маяться оттого, что такова судьба, что не в ладу с совестью или от отсутствия воли, простора, раздолья или приволья.

По-видимому, отсюда проистекают такие типологические свойства русской фатики, отличающие ее от других национально-речевых культур, как отмеченное выше подозрительное отношение к излишней правильности, формальной изошренности фатической речи, а также *фатическая центробежность* как фактор существования и трансформации личностно нейтрального фатического общения (продолжительное и гладкое общение в рамках «жанров точки О» на графике, представляющем типологию ФРЖ, скорее неестественно и трудно для носителя русской речевой культуры: более естественно «соскальзывание» в жанры правой или левой части графика, подробнее см.: [Дементьев, 2010, с. 228, 312]). По-видимому, не случайно, что, например, поэтика Пушкина, во многом основанная на интонациях доверительного «разговора по душам» автора с читателем, оказалась в высшей степени востребована в России и практически не востребована на Западе.

В современной русской речевой культуре РпД занимает особое место среди жанров гармонического фатического общения. Стоящая за данным жанром система ценностей, норм и приоритетов является определяющей для общей системы представлений о хорошей фатической речи, однако данная система представлений двойственна и с определенного времени (приблизительно с XVIII–XIX вв.) значительно осложняется существованием р а з н ы х ориентиров в общении: ориентируется не только на нормы РпД, но и на нормы совершенно другого, заимствованного из западных культур (прежде всего французской) жанра фатического общения *светская беседа* (далее – СБ) [Лотман, с. 124, 335].

Различия жанров РпД и СБ очевидны. Первый принципиально противостоит понятию власти и вообще социального неравенства, тогда как второй был заимствован из западной культуры как одно из средств противопоставить высшее общество черни. Очевидное различие состоит и в том, что в свете было не принято высказывать свои идеи и взгляды. Нарушение этого негласного требования приводит к конфликтам, которые широко отображены в русской литературе («Горе от ума» А. С. Грибоедова). Согласно типологии ФРЖ, СБ относится в полной мере (и в этом тоже состоит отличие от РпД) к «жанрам точки О».

По душам в современной русской речи (лингвостатистический анализ)

Для изучения коммуникативных ценностей в силу таких базовых характеристик публицистической речи, как ее мобильность, отражение новых тенденций в общественной жизни (в том числе формирование новых ценностей/идеалов), эффективно обращение к прессе.

Стилевой доминантой публицистической речи является постоянное балансирование между экспрессией и стандартом, чьи динамика и конкретное соотношение определяют «публицистический облик эпохи»³.

Система *Integrum* выдала 29 965 контекстов с *по душам*.

В результате анализа РпД обнаружилась значительная ценностная неоднозначность и противоречивость: РпД может быть «простой» ~ и кому-то не по силам; с «простым» собеседником ~ и высокообразованным специалистом; со «своими», избранными ~ и с незнакомцем; может быть коротким ~ и длинным; расслабленным (релаксирующим), «легким» ~ и напряженным, «тяжелым»; может быть приятным, «лицеприятным», включать элементы лести ~ и жесткую критику; может привести к примирению ~ и к ссоре; может быть спокойным ~ и включать элементы спора (мужской РпД) или истерики (женский); обычно РпД не может состояться «по заказу» ~ и положительно оценивается РпД, проводимый (успешно) специалистами-психологами с психически больными или неуравновешенными людьми.

Анализ многочисленных примеров в прессе убеждает, что концепт *по душам* относится к числу *простых непреходящих ценностей*, таких как любовь и дружба: *Мы в Москве уже давно озверели, в этом беге, суете не останавливаемся, не говорим по душам* (Аргументы и факты. 17.07.2002).

Идея простоты представляется достаточно важной, она часто фиксируется в речи: *Я понимал, что ничего не могу да и не хочу, наверное, уже изменить, но так хотелось **просто** встретиться, поговорить по душам* (Комсомольская правда. 16.08.2000).

В то же время «простота» вовсе не отрицает ума: *И вряд ли этому стоит удивляться: наверное, чем более жесткой, сложной и наполненной стрессами становится наша жизнь, тем больше мы начинаем ценить совершенно особую атмосферу разговора по душам: **умного, честного, заставляющего под другим углом взглянуть на окружающий мир и самих себя*** (Парламентская газета. 27.02.2004).

Во многих контекстах подчеркивается: РпД – разговор «о главном»: *Теперь пришло время разговора с Сережей по душам – **о самом главном в его жизни*** (Твой курс (приложение к газете «Аргументы и факты»). 16.11.2005).

При этом темы РпД могут быть практически любыми – от самых высоких до самых низких, бытовых: *И если отец старался по душам **на любые темы** с сыном говорить, разъяснял, что хотел бы им гордиться, – это всегда действовало только на пользу* (Краснокамская звезда. 16.12.2003).

³ На втором этапе исследования нами анализировались контексты, в которые вступает выражение *по душам* с точки зрения их коммуникативно-ценностных характеристик, взятые из публикаций в современной (после 1991 г.) русской прессе (из российских и русскоязычных зарубежных изданий), собранные и обработанные при помощи корпусно-поисковой системы *Integrum* (6 328 источников за период с 1992 по 2009 г.). О системе *Integrum* см.: [Integrum: точные методы и гуманитарные науки].

Единственное существенное требование к темам – чтобы это было то, что по-настоящему важно для собеседников, волнует их. Это означает, что РпД скорее эмоциональный: *Гости, оказавшиеся в этот вечер в Центре «Семья», попали на теплый семейный праздник, где за чашкой чая можно поговорить по душам, **поплакать и посмеяться***. Отдохнули по-семейному (Самарская газета. 18.12.2002).

Но при этом складывается впечатление, что в РпД можно скорее *поплакать(ся)*, чем *посмеяться* (и мужчинам, и женщинам): *Попили чаю, поговорили по душам, **поплакали** немного, наконец заснули* (Красный Север (Вологда). 18.03.2003).

В результате РпД нередко получается тяжелый: – *Разговор по душам получился **тяжелый**? – Я все сказал. У меня с главным тренером всегда были натянутые отношения на протяжении всех этих лет* (Вечерние ведомости (Екатеринбург). 12.10.2001).

Но и «легкий» РпД – нередкое явление: *Легкий разговор по душам получается не сразу. Надо сделать так, чтобы чужая жизнь стала твоей* (Новые известия (Москва). 29.06.2004).

Следствием названных доминант РпД становится противоречивость его общей коммуникативной окраски. Так, будучи изначально жанром гармонического, кооперативного персонального общения, РпД не обязательно исключает все элементы конфликта, более того – может вполне естественно сближаться даже с жанрами такого выражено конфликтного типа общения, как *спор, ссора, истерика*: *Бывало, как только я чем-то делилась, у нее начиналась паника: “Ты еще слишком мала для этого!” И **разговор по душам превращался в ссору*** (По материнской линии. Натали (Украина, Киев). 15.05.2007).

РпД – важная часть русского национального характера: *Впрочем, есть одно качество, которое **между нами, русскими**, можно считать действительно общенациональным, – это культура общения, в частности, способность поговорить по душам со всяким встречным-поперечным, почувствовать кровную близость с человеком, вовсе тебе не знакомым* (Тайна народного. Версты (Москва). 25.02.1999; *Американцы никак не могут понять, что это такое – **загадочная русская душа**, что такое разговор по душам* (Американская горизонталь. Вёрсты. 24.01.2002); *Немцы терпеть не могут всевозможных разговоров по душам о смысле жизни, **которыми так грешат русские*** (Час (Латвия)). 08.03.2002).

Абсолютное большинство оценочных характеристик РпД, фиксируемых в примерах, положительные и ярко-положительные; в то же время есть и отрицательные. Так, РпД может не приниматься по следующим причинам: (1) следствием такого общения может быть нежелательное сближение; (2) такое общение может быть неэстетично (*сопливый* РпД). Как нам представляется, в целом (1) и (2) – это «ненастоящее» отрицание РпД, поскольку не отрицаются ни РпД как таковой, ни его необходимость, ни удовольствие от него. В таких случаях часто ищут какой-то другой выход, например, ведут РпД с не-

знакомыми, в приятной обстановке и т. д.: *Польза от него (легкого вина. – В. Д.) очевидна: в теплой компании такое угощение придется как нельзя кстати – пьяным не будешь, а разговор по душам завязывается сам собой* (Городские вести (Волгоград). 16.04.2005).

Этого нельзя сказать про следующие ситуации: (3) отрицается естественность или нравственность РпД вообще (например, высказывается мнение, что РпД непременно пьяный): *Кстати, есть целая категория мачо-мэнов, которым просто не хватает общения по душам, и они готовы на все ради того, чтобы ты выслушивала их **сопливо-алкогольные откровения** и расспрашивала о нелегкой жизни* (Хулиган. 15.03.2002); *В магазине спорили, сплетничали, плевались семечками, ругали своих и чужих мужиков – в общем, разговаривали по душам* (Москва. 2007. №10).

Можно добавить к этому еще две «новые» причины: (4) РпД отрицают за его бесполезность – не понимая, что РпД имеет ценность сам по себе, и (5) за то, что РпД противоречит неким новым жизненным ориентирам – присущим людям «современным», «деловым», «прагматичным», «индивидуалистичным», ориентированным на западные ценности: ***Жутковатое действие под названием «разговор по душам».** <...> А уж разговор-то незнамо какой незнамо о чем вести – самое привычное для нас дело. Это зарубежных наших партнеров от таких разговоров трясти начинает, нам же – хоть бы что. Для нас даже особое наслаждение, если беседа к тому же пришла, с чего началась, – вот уж отрада русскому сердцу, никаких обязательств!* (Дружба народов. 2009. №2).

Нередко встречаются контексты, когда просто РпД оказывается недостаточно для удовлетворительного разрешения ситуации: *В случае возникновения споров с недвижимостью разговора «по душам» будет **недостаточно**, лучше переговорить с профессионалом* (Янтарный караван (Калининград). 13.03.2002).

РпД может использоваться сознательно как средство воздействия, убеждения при общении с начальниками, чиновниками и т. д.: *К примеру, в Оренбургской области после разговора по душам с налоговиками 88 % приглашенных повысили зарплату своим сотрудникам* (Бизнес. 17.10.2006).

Наконец, положительно оцениваются профессионалы (психологи), которые **умеют** проводить РпД: *Ну а значение психологического сопровождения в современных пансионатах даже сложно переоценить, именно психологи снимают напряжение пациентов, говорят по душам, улаживают конфликты* (Аргументы и факты. 07.12.2005).

Парадигматика по душам

РпД противопоставлен коммуникативному поведению, исключаящему понимание, прежде всего агрессивному: *И если вижу несправедливость, то не ругаюсь и не кричу, а стараюсь решить про-*

блему спокойно – поговорить по душам (Комсомольская правда. 22.11.1999).

А хорошо для РпД то, что этому пониманию способствует искренний, открытый, откровенный, честный, вдумчивый, доброжелательный разговор (часто эти определения идут вместе): *А ждет читатель **честного и открытого** разговора по душам, рассказов о том светлом, по-хорошему интересном, что, как ни странно, еще встречается в нашей жизни* (Российская газета. 15.11.1996); *Летом можно **спокойно и вдумчиво** посидеть у костра, отходя от суеты, и не спеша поговорить по душам с теми, кого, казалось бы, знаете, видя каждый день, просыпаясь и засыпая в одном доме... и, между прочим, забываете по-роу спросить о самом главном...* (Миасский рабочий. 25.08.2008).

РпД противопоставлен казенной фальши: *Поэтому разговор о Петербурге сегодня – это **совсем не казенное мероприятие, а разговор по душам*** (Невское время. 27.05.2000); как и фальши светской: *Как писали в одной статье – «**не очень привлекает нас эта светская болтовня**», нам **необходим разговор по душам**, что невозможно в условиях телевидения* (Санкт-Петербургский курьер. 28.03.2003).

Синтагматика по душам

Согласно данным *Integrum*, с по душам сочетаются: *поговорить* – 13 178 контекстов; *разговор* – 8 766; *говорить* – 1 723; *беседа* – 1 385; *беседовать* – 764; *общение* – 404; *общаться* – 283; *потолковать* – 169 (и *толковать* – 30); *разговориться* – 162; *разговаривать* – 113; *диалог* – 84; (по)болтать – 48; *переговорить* – 36 (иногда это ирония); кроме того, зафиксированы единичные употребления: *трепаться* (скорее ирония); *покалякать* (ирония); *бухтеть*; *договориться* и др.

Прагматическая синтагматика

РпД может сделать другом/подругой: *Люба, **после разговора по душам ставшая мне практически подружкой**, взялась присматривать за ним и гулять вовремя* (Твой курс (приложение к газете «Аргументы и факты»). 03.08.2005).

Результатом РпД может быть понимание: *Главное, чего можно добиться «разговором по душам», – услышать друг друга. Если практиковать «разговор по душам», вы сможете понимать друг друга с полуслова* (Комсомольская правда. 24.11.2005); ответ на вопрос: *Сейчас вы можете со всеми разговаривать по душам, вы получите ответы на все интересующие вас вопросы* (Вечерняя Москва. 05.09.2002).

В РпД естественно дать и получить совет: *Ведь каждому из нас, будь то представитель сильной или слабой половины, нужен человек, с которым было бы комфортно, а главное – с кем можно поговорить по душам о своих планах и получить хороший совет* (Волгоградская правда. 05.08.1999); моральную поддержку: *А когда мне вводили ле-*

карства, ребята всегда сидели со мной в процедурке, следя за капельницей и болтая по душам (Я молодой (приложение к газете «Аргументы и факты»). 27.09.2000).

Метафоры по душам

Можно выделить ряд типов трансформации семантики концепта *по душам*, обусловленных как собственно лексической семантикой выражения *по душам* и лексемы *душа*, так и иллокутивно-интенциональной семантикой речевого жанра *разговор по душам*. Степень трансформации в том или ином контексте обусловлена удаленностью значения от исходного (см. определение РпД выше).

Как показывает материал *Integrum, по душам* выступает в переносном значении, когда речь идет о различных формах и видах дисгармоничного общения – агрессивного, конфликтного, а также официального (прежде всего дисгармонично-официального, типа *допроса*) и манипулятивного: *Пропажу вовремя заметили, прокурор района Николай Боткин беседовал с девушкой по душам, и сумели «расколоть»* (Молодой коммунары (Тула). 12.07.2006).

В результате анализа контекстов мы можем выделить несколько важнейших смысловых компонентов «по душам», на базе которых данное выражение развивает метафорические значения:

- РпД – разговор о важном (даже главном): говорящий открыто, в полном объеме и без утаивания делится с собеседником важной для себя информацией (отсюда использование *по душам* для метафорической номинации допросов и под.): *«Показания» снимал Веркетис – мастер «разговоров по душам»* (Вечерняя Москва. 21.06.2007).

- С другой стороны, РпД – это и возможность донести что-то важное до сведения собеседника, заставить его вникать, услышать себя (ср. *Давай выйдем?*): *Приставляет нож к горлу и тянет в подъезд: пойдём, мол, дорогуша, поговорим по душам* (Караван историй. 02.2006).

- «По душам» обычно говорят «со своими», отсюда может развиваться метафорическое значение «секретный разговор» для «своих»: *Подъезжали и ко мне с «разговорами по душам», предложениями быть «помягче», «поуступчивее»* (Завтра. 20.11.2001).

- РпД приятен – отсюда при помощи *по душам* может быть названо просто что-то доставляющее удовольствие – *еда, кофе, сигарета, спиртное*: *Никита Михалков решил пообедать по душам* (Коммерсантъ. 10.10.2005).

- РпД – общение фатическое, отсюда метафорическое использование *по душам* применительно к ситуации, когда в рабочее время служащие разговаривают вместо того, чтобы заниматься делом: *Когда я работала с московскими менеджерами, я просто умоляла их не говорить «по душам» с местными сотрудниками, а передавать информацию через меня* (Комсомольская правда. 21.02.2006).

• Наконец, посредством *по душам* может быть названа попытка ухаживания или флирта: *Но если честно, «Пропаганду» любят не за Санчеса, а за хорошеньких официанток, которые всегда готовы поговорить по душам и легко соглашаются на свидания после работы* (Афиша. 11.08.2000).

Появление метафор в именах РЖ вообще является очень значимым, ибо служит показателем переакцентуации (по Бахтину) либо вторичного РЖ [Балашова, 2014].

* * *

Использование контекстно-статистического метода и содержательный анализ контекстов в современной прессе позволяют сделать целый ряд дополнений и уточнений к набору речежанровых характеристик РпД, выявленных ранее (и на другом материале), а также выявить некоторые закономерности в современной очень быстро меняющейся коммуникативной реальности, где, несмотря на перемены, сохраняются многие традиционные ориентиры, к важнейшим из которых, безусловно, относятся коммуникативные ценности. Так, в результате анализа современного речевого материала обнаруживается значительная противоречивость РпД, в том числе нравственно-этическая оценочная амбивалентность, во многом соответствующая противоречивости, присущей данному концепту в предшествующие исторические эпохи. Частотность и разнообразие контекстов, прежде всего коммуникативных, подтверждают идею, что РпД занимает важное место в русской коммуникативной компетенции, а тот факт, что в большинстве контекстов выражение *по душам* наделяется ярко-оценочным содержанием, позволяет говорить о РпД как о коммуникативной ценности.

Список литературы

Антология концептов / под ред. В. И. Карасика и И. А. Стернина. Т. 1–. Волгоград : Парадигма, 2005–.

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // *Вопр. языкознания*. 1995. № 1. С. 37–67.

Арутюнова Н. Д. Жанры общения // *Человеческий фактор в языке : Коммуникация, модальность, дейксис*. М. : Наука, 1992. С. 52–56.

Базовые ценности россиян : Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / отв. ред. А. В. Рябов, Е. Ш. Курмангалеева. М. : Дом интеллект. книги, 2003. 448 с.

Байкулова А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов : [Б. и.], 2015. 42 с.

Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв. М. : Рукописные памятники Древней Руси ; Знак, 2014. 632 с.

Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. М. : Канон, 1998. С. 173–193.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки рус. культуры, 1997. 576 с.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. : Языки славян. культуры, 1999. 791 с.

Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. № 2 (4). 2002. С. 6–34.

Вежбицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // Жанры речи. Саратов : Колледж, 2002. Вып. 3. С. 118–156.

Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград : Перемена, 2003. 164 с.

Гладкова А. Н. Русская культурная семантика: эмоции, ценности, жизненные установки. М. : Языки славян. культур, 2010. 304 с.

Дементьев В. В. Фатические речевые жанры // Вопр. языкознания. 1999. № 1. С. 37–55.

Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.

Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013. 338 с.

Дьякова Л. Н., Стернин И. А. Жанр разговора по душам и русская авторская песня // Жанры речи. Саратов : Наука, 2005. Вып. 4. С. 273–280.

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славян. культуры, 2005. 544 с.

Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. СПб. : Питер, 2009. 576 с.

Карасик В. И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей // Полит. лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 43–50.

Ланских А. В. Разговор по душам в коммуникативно-прагматическом аспекте // Русский язык: человек, культура, коммуникация – IV : сб. материалов междунар. науч. конф., 15 апреля – 15 мая 2014 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 35–41.

Лебедева Н. М. Базовые ценности русских на рубеже XXI в. // Психол. журн. Т. 21. 2000. № 3. С. 73–87.

Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. М. : Тезаурус, 2011. 352 с.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб. : Искусство – СПб., 1994. 558 с.

Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2001. 183 с.

Панченко Н. Н. Исповедь как жанр доверительного общения // Жанры речи. Саратов : Наука, 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность. С. 261–269.

Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика / под ред. В. В. Дементьева и С. Н. Цейтлин. М. : Языки славян. культур, 2016. 440 с.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры : Опыт исследования. М. : Языки рус. культуры, 1997. 824 с.

Стернин И. А. Экспериментальное изучение категории русский коммуникативный идеал // Мир русского слова. 2003. № 2. С. 53–54.

Тарасов Е. Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопр. психолингвистики. 2012. № 1 (15). С. 8–18.

Урысон Е. В. Словарная статья «Друг 1, Товарищ 1, Приятель» // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. Д. Апресяна. М. ; Вена : Языки славян. культуры; Вен. славист. альм., 2004. С. 297–299.

Хизова М. А. Концепт «дружба» в русской и английской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар : [Б. и.], 2005. 12 с.

Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Социальная психология. Пойми себя, чтобы понять других : Влияние. Убеждение. Самооценка. Дружба. Любовь. СПб. : Прайм-Еврознак, 2002. 336 с.

Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. М. : Языки славян. культуры, 2002. 224 с.
Integrum: точные методы и гуманитарные науки / ред.-сост. Г. Никипорец-Такигава. М. : Летний сад, 2006. 430 с.

Malinowski B. Phatic Communion // Communication in Face-to-Face Interaction. Harmondsworth : Penguin Books, 1972. P. 146–152.

Saville-Troike M. The Ethnography of Communication. 2 Ed. Oxford : Basil Blackwell, 1989. 315 p.

References

Apresyan, Yu. D. (1995). *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya* [The Image of the Person according to Language: An Attempt at Holistic Description]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 1, pp. 37–67.

Arutyunova, N. D. (1992). *Zhanry obshcheniya* [Genres of Communication]. In *Chelovecheskii faktor v yazyke. Kommunikatsiya, modal'nost', deiksis*. Moscow, Nauka, pp. 52–56.

Baikulova, A. N. (2015). *Ustnoe neofitsial'noe obshchenie i ego raznovidnosti* [Oral Informal Communication and Its Varieties]. Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Saratov, S. n. 42 p.

Balashova, L. V. (2014). *Russkaya metaforicheskaya sistema v razviti: XI–XXI vv.* [The Russian Metaphorical System in Its Development: 11th–21st Centuries]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, Znak. 632 p.

Berdyayev, N. A. (1998). *Filosofskaya istina i intelligentskaya pravda* [Philosophical Truth and Intellectual Truth]. Berdyayev, N. A. *Dukhovnyi krizis intelligentsii*. Moscow, Kanon, pp. 173–193.

Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1997). *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic Conceptualisation of the World (Based on Russian Grammar)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 576 p.

Cialdini, R., Kenrick, D., Neuberg, S. (2002). *Sotsial'naya psikhologiya. Poimi sebya, chtoby ponyat' drugikh. Vliyanie. Ubezhdenie. Samoootsenka. Druzhiba. Lyubov'* [Social Psychology. Understand Yourself to Understand Others. Influence. Conviction. Self-evaluation. Friendship. Love]. St Petersburg, Praim-Evroznak. 336 p.

Demytyev, V. V. (1999). *Faticheskije rechevye zhanry* [Phatic Speech Genres]. In *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language]. No. 1, pp. 37–55.

Demytyev, V. V. (2010). *Teoriya rechevykh zhanrov* [The Theory of Speech Genres]. Moscow, Znak. 600 p.

Demytyev, V. V. (2013). *Kommunikativnye tsennosti russkoi kul'tury. Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of Russian Culture. The Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics]. Moscow, Global Kom. 338 p.

D'yakova, L. N., Sternin, I. A. (2005). *Zhanr razgovora po dusham i russkaya avtorskaya pesnya* [The *razgovor po dusham* Genre and Russian Authorial Songs]. In *Zhanry rechi*. Iss. 4. Saratov, Nauka, pp. 273–280.

Gladkova, A. N. (2010). *Russkaya kul'turnaya semantika: emotsii, tsennosti, zhiznennye ustanovki* [Russian Cultural Semantics. Emotions, Values, Life Attitudes]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 304 p.

Il'in, E. P. (2009). *Psikhologiya obshcheniya i mezhlchnostnykh otnoshenii* [Psychology of Communication and Interpersonal Relationships]. St Petersburg, Piter. 576 p.

Karasik, V. I. (2012). Lingvosemioticheskoe modelirovanie tsennosti [Linguosemiotic Modelling of Values]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 1 (39), pp. 43–50.

Karasik, V. I., Sternin, I. A. (Eds.). (2005–). *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Vol. 1–. Volgograd, Paradigma.

Khizova, M. A. (2005). *Kontsept “druzhiba” v russkoi i angliiskoi lingvokul'turakh* [The Concept of “Friendship” in Russian and English Linguocultures]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk Krasnodar, S. n. 12 p.

Lanskikh, A. V. (2014). Razgovor po dusham v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte [*Razgovor po dusham* in the Communicative and Pragmatic Aspects]. In *Russkii yazyk: chelovek, kul'tura, kommunikatsiya – IV: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 15 aprelya – 15 maya 2014 g.* Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 35–41.

Lebedeva, N. M. (2000). Bazovye tsennosti russkikh na rubezhe XXI v. [The Basic Values of Russians at the Turn of the 21st Century.]. In *Psikhologicheskii zhurnal*. Vol. 21. No. 3, pp. 73–87.

Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov: kollektivnaya monografiya [Linguistics and Axiology. Ethnosemiometry of Value Meanings: Joint Monograph]. (2011). Moscow, Tezaurus. 352 p.

Lotman, Yu. M. (1994). *Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian Culture. Life and Traditions of the Russian Nobility (18th – Early 19th Centuries)]. St Petersburg, Iskusstvo – SPb. 558 p.

Malinowski, B. (1972). Phatic Communion. In *Communication in Face-to-Face Interaction*. Harmondsworth, Penguin Books, pp. 146–152.

Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologiya* [Linguistic and Cultural Studies]. Moscow, Akademiya. 183 p.

Nikiporets-Takigava, G. (2006). *Integrum: tochnye metody i gumanitarnye nauki* [Integrum: Rigorous Methods and the Humanities]. Moscow, Letnii sad. 430 p.

Panchenko, N. N. (2011). Ispoved' kak zhanr doveritel'nogo obshcheniya [Confession as a Genre of Confidential Communication]. In *Zhanry rechi*. Iss. 7. Zhanr i yazykovaya lichnost'. Saratov, Nauka, pp. 261–269.

Ryabov, A. V., Kurmangaleev, E. Sh. (Eds.). (2003). *Bazovye tsennosti rossiyan: Sotsial'nye ustanovki. Zhiznennye strategii. Simvoly. Mify* [Basic Values of Russians. Social Attitudes. Life Strategies. Symbols. Myths]. Moscow, Dom intellektual'noi knigi. 448 p.

Saville-Troike, M. (1989). *The Ethnography of Communication*. 2 Ed. Oxford, Basil Blackwell. 315 p.

Sedov, K. F. (2016). *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and Anthropocentric Linguistics] / ed. by V. V. Demytyev, S. N. Tseitlin. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 440 p.

Shmelev, A. D. (2002). *Russkaya yazykovaya model' mira* [Russian Linguistic Model of the World]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 224 p.

Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury: Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture: Attempt at Research]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 824 p.

Sternin, I. A. (2003). Eksperimental'noe izuchenie kategorii russkii kommunikativnyi ideal [Experimental Study of the Category of the Russian Communicative Ideal]. In *Mir russkogo slova*. No. 2, pp. 53–54.

Tarasov, E. F. (2012). Problema analiza sodержaniya obshchechelovecheskikh tsennosti [The Problem of Analysis of the Content of Universal Values]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No. 1 (15), pp. 8–18.

Uryson, E. V. (2004). Slovarnaya stat'ya “Drug 1, Tovarishch 1, Priyatel” [Dictionary Entry “Drug 1, Tovarishch 1, Priyatel”]. In Apresyan, Yu. D. (Ed.). *Novyi ob'yasnitel'nyi*

slovar' sinonimov russkogo yazyka. Moscow, Vienna, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Venskii slavisticheskii al'manakh, pp. 297–299.

Vorkachev, S. G. (2003). *Sopostavitel'naya etnosemantika teleonomnykh kontseptov "lyubov'" i "schast'e" (russko-angliiskie paralleli)* [Comparative Ethnosemantics of Teleonomic Concepts "Lyubov'" and "Schastye" (Russian-English Parallels)]. Volgograd, Peremena. 164 p.

Wierzbicka, A. (1999). *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic Universals and Description of Languages]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 791 p.

Wierzbicka, A. (2002). Russkie kul'turnye skripty i ikh otrazheniye v yazyke [Russian Cultural Scripts and Their Reflection in Language]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 2 (4), pp. 6–34.

Wierzbicka, A., Goddard, K. (2002). Diskurs i kul'tura [Discourse and Culture]. In *Zhanry rechi*. Iss. 3. Saratov, Kolledzh, pp. 118–156.

Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). *Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Linguistic Worldview]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 544 p.

The article was submitted on 22.09.2018